

П. А. Кротов

**Вице-адмирал Н. А. Сенявин
(практика реализации «римской модели»
службы в Петровскую эпоху)***

Статья посвящена изучению вопроса о практике реализации при Петре I в его кадровой политике новой модели государственной службы. Автор полагает, что после отмены местничества (1682) Петр I, стремясь превратить Россию в империю, самому же стать императором, посчитал, что достичь этого можно, используя такую же модель продвижения людей по службе, какая существовала в Римской империи. В качестве примера того, как действовала «римская модель» государственной службы, проанализирован служебный путь вице-адмирала Н. А. Сенявина (1681–1738), начавшего свой служебный путь матросом и солдатом Бомбардирской роты Преображенского полка (1698), но сумевшего получить славу выдающегося флотоводца и достичь при Петре Великом чина контр-адмирала (1721). Автор делает вывод об эффективности применения «римской модели» службы в эпоху преобразований, поскольку она позволила дать сильный стимул для ревностной службы на благо Отечества широким слоям лиц, пребывавшим на государственной службе.

Ключевые слова: вице-адмирал Н. А. Сенявин (1681–1738), «римская модель» государственной службы, Петр Великий, Российский военно-морской флот

**Vice-Admiral N. A. Senyavin (the practice of implementing
the «Roman model» of service in the Petrine era)**

P. A. Krotov

The article is devoted to the study of the practice of implementing a new model of public service under Peter I in his personnel policy. The author believes that after the abolition of tradition of Russian mestnichestvo (1682), Peter I, seeking to turn Russia

* Исследование выполнено по гранту РФФИ № 20-09-42011 «Вице-адмирал Н. А. Сенявин (1681–1738)».

into an empire, and to become emperor himself, considered that this could be achieved using the same model of promotion of people in the service that existed in the Roman Empire. As an example of how the «Roman model» of public service operated, the service path of Vice-Admiral N. A. Senyavin (1681–1738) was analyzed, who began his career as a sailor and soldier of the Bombardier Company of the Preobrazhensky Regiment (1698), but managed to gain fame as an outstanding naval commander and reach the rank of rear admiral under Peter the Great (1721). The author draws a conclusion about the effectiveness of the «Roman model» of service in the era of transformation, since it allowed to give a strong incentive for zealous service for the benefit of the Fatherland to a wide range of people who were in the public service.

Keywords: Vice Admiral N. A. Senyavin (1681–1738), «Roman model» of public service, Peter the Great, Russian Navy

«Служу я... в российском флоте... и происходил чин от чину от самого матроства даже до сего ранга безпорочно».

Вице-адмирал Н. А. Сенявин, 1734

Постановка проблемы

Жизненный путь Наума Акимовича Сенявина (1681–1738), прошедшего при Петре Великом путь от солдата Бомбардирской роты Преображенского полка и матроса (1698) до контр-адмирала (1721), как человека, вошедшего в российскую военную элиту, — показательный пример возможностей, которые открыла Петровская эпоха для карьеры россиян.

Среди множества актуальных вопросов по изучению феномена государственной реформы Петра Великого один из ключевых — это исследование внедренной монархом новой модели государственной службы. Эта новая для страны модель служебного продвижения разбудила у множества людей амбиции, дала сильные стимулы для ревностной службы, мобилизовала «человеческий потенциал» для достижения поставленной монархом цели превращения страны в великую державу, империю. По мысли автора, которая прозвучит, пожалуй, неожиданно, новая модель службы отразила опыт кадрового строительства античной Римской империи, поэтому она именуется в статье «римской моделью» службы.

Изучение служебного пути Н. А. Сенявина на протяжении 40 лет от звания матроса к флагманскому чину вице-адмирала (1727) позволяет приблизиться к пониманию того, как на практике действовала внедренная Петром I новая кадровая политика по «римской модели» — важная часть его концепции созидания Новой России.

*«Римская модель» службы — ключ к успеху
государственной реформы Петра Великого?*

Итак, по мнению автора, Петр I взял в качестве образца для реализации в России времени преобразований «римскую модель» государственной службы. Какие факты позволяют сделать такое заключение?

Главными примерами великих государственных деятелей мировой истории для него со времени, когда он был еще царевичем, стали в первую очередь создатели великих империй древности Александр Македонский и Юлий Цезарь. По распоряжению царя Алексея Михайловича к июлю 1676 года для царевича Петра был подготовлен роскошно оформленный манускрипт — рукопись историко-художественного произведения о деяниях Александра Македонского «Александрия». Очевидно, что по этой рукописи царевич учился читать, и понятно, почему путь великих свершений, путь созидания империи, образ идеального монарха как носителя «премудрости и храбрости», «мужественные добродетели» сформировал матрицу сознания будущего первого российского императора. Петр I и начал свой путь к успеху в 1683 году так же, как Александр Великий — с набора сверстников в «потешное» воинство для обучения военному делу. Не менее важным для Петра I стал пример Юлия Цезаря, великого полководца и государственного деятеля, ставшего благодаря своим заслугам путем последовательного возвышения по ступеням лестницы власти первым императором Древнего Рима¹.

Существо «римской модели» службы отечеству состояло в том, что любой из граждан Рима мог путем показанных отечеству на службе заслуг войти в избранный круг правящей государством элиты. Считалось, что в первую очередь к этому способны не люди простонародные, но благородные римляне (*virī boni*) и выходцы из римской знати (*nobiles*). Эти две прослойки римских граждан можно считать приблизительным аналогом столбового российского дворянства и его знатной верхушки, аристократии. Присущее всему римскому гражданству и особенно *virī boni* и *nobiles* свойство доблести (*virtus*) и прежде всего воинской доблести (*bellica virtus*) считалось основой могущества народа Империи. Дело в том, что во времена становления и первых веков Римской империи, во времена наивысшего подъема Рима, не само по себе благородство, знатность происхождения продвигали наверх людей, но только приобретенная личными заслугами *virtus* рассматривалась в качестве дающей права на должности, почести, славу, высокий общественно-государственный статус². Такой подход к выявлению и продвижению «наверх» одаренных и амбициозных государственных «кадров» среди населения позволил Древнему Риму побудить к работе на построение великой империи

колоссальные силы, дремавшие в толще римского гражданства, в полной мере использовать «человеческий фактор».

Отмена в январе 1682 года местнического порядка, позволявшего занимать высокие государственные должности только представителям определенного круга дворянских родов (исключая нижний феодальный слой детей боярских), позволила Петру I, как сказано выше, внедрить в практику российского чиновничества «римскую модель» кадровой политики. Такая модель оказалась способной в наибольшей степени поставить на службу отечеству дарования и силы всех имевших служебные амбиции россиян, создать им условия для продвижения вверх по лестнице чинов, что объективно способствовало подъему и укреплению Российского государства. Именно такой способ мобилизации людского потенциала на службу во благо страны позволил возместить слабость финансовых предпосылок для проведения радикальных преобразований. Любой человек, пусть выходец из холопов, пусть по рождению «инородец», пусть вчерашний крепостной крестьянин, имел теоретическую возможность приобрести заслуги и получить своей службой отечеству *virtus*, после чего повысить свой социальный статус, приобретя статус сочлена благородного дворянского сословия.

Личный пример Петра Великого и законодательные установки о служебном продвижении военнослужащих

Наблюдавший русского монарха в Санкт-Петербурге в 1710 году немец Х. Геркен так описывал его личность и действия на службе: «В военных делах и упражнениях как на суше, так и на воде... царь весьма сведущ, ибо, подавая хороший пример своему народу, взял на себя труд пройти все ступени, начиная от самой низкой, именно мушкетера и барабанщика, а также от матроса и в мое время уже носил звание генерал-лейтенанта в армии и шаутбенахта во флоте; за это он получает на себя из казны обычное жалованье. Я заметил также, что моряки, имеющие до него какое-либо дело, должны были обращаться к нему не «Ваше Царское Величество», а «господин шаутбенахт», после чего он, выслушав жалобы и просьбы, направлял их адмиралам»³.

Это был принципиальный подход Петра I на протяжении всего правления: всем россиянам следовало начинать служить в армии и флоте с рядовых чинов. Итог службы царя должен был являться образцом для подданных: начав службу матросом и барабанщиком, он стал полным адмиралом и генералом с более чем впечатляющим послужным списком. Новый подход русского монарха к служебному продвижению подданных выражался не только в его личном служебном пути и распоряжениях; он отражен в законодательстве.

К 300-ЛЕТИЮ ОКОНЧАНИЯ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ

В наказе («пункты») отправлявшимся за границу в марте 1697 года великим послам Ф. Я. Лефорту, Ф. А. Головину и П. Б. Возницыну первым (!) и вторым (!) пунктами Петр I так формулировал их задачи: «1. К службе морской сыскать капитанов добрых [ч. 3 или 4], которых б сами в мотрозах бывали, а службою дошли чина, а не по иным причинам. 2. Когда вышеписанные сысканы, тогда к той же службе сыскать порутчиоф и потпорутчиоф ч. 25 или 30 добрых же и чтоб также, которых бывали в niskих чинах»⁴.

Указом о чинопроизводстве во флоте от 28 ноября 1706 года Петр I подтверждал, что порядок повышения в чинах един для россиян и иностранцев. Всем следовало последовательно проходить чины служебной лестницы: «...из подконстапелей в констапели, из боцманматов в боцманы, из боцманов, также и из унтер-штурманов и констапелей в подпоручики, из подпоручиков и из первых штурманов в поручики, из поручиков в капитан-поручики по выслужении трех лет; из капитан-поручиков в комендеры по четырех летех; из комендеров в капитаны по пяти летех, а в вышние капитаны по рассмотрению, хотя и прежде тех вышепомянутых лет, ежели кто может показать свою явную или чрезвычайную службу»⁵. Монарх требовал от военных моряков, чтобы «они из нижних чинов в вышние и, не заслужа выше писанных урочных лет, не били челом». Царь оговаривался, что, «кто покажет какую явную службу, тот не токмо чрез чин, но и через два пожалован будет»⁶.

Именным указом от 26 февраля 1714 года монарх потребовал не производить «в офицеры из молодых, которые с фундамента солдатского дела не знают». Впредь предписывалось производить в офицеры «из дворянских пород и иных со стороны» только тех, которые «служили солдатами в гвардии». Указ подтверждал, что «солдаты из простых людей», занявшие офицерскую вакансию долгою «прямою службою» в полках, не относившихся к Гвардейской бригаде, получили места «по их достоинству» и такого рода люди должны занимать и в дальнейшем освободившиеся офицерские места в армии⁷. Другим именным указом от 1 января 1719 года царь подтверждал тот же порядок чинопроизводства: «Чтоб никакого человека ни в какой офицерский чин не допускать из офицерских детей и дворян, которые не будут в солдатах в гвардии, выключая тех, которые из простых выходить в офицеры станут по полкам»⁸. В самом конце войны, 16 января 1721 года, Петр I дал именной указ в Сенате: «Все обер-офицеры, которые произошли не из дворянства, оные, и их дети, и их потомки суть дворяне, и надлежит им дать патенты на дворянство»⁹. Право причисления всех лиц, дослужившихся до первого обер-офицерского чина, и их потомков, родившихся после получения этого чина, к дворянству было закреплено 15-м пунктом Табели о рангах (1722)¹⁰.

Близость к монарху — важнейшая предпосылка для карьерного рывка?

Как происходило выдвижение лиц, которые оставили заметный след в истории страны, из общей массы военнслужащих при Петре Великом?

Диалектику случайного и закономерного, «механику» пути «наверх» незаурядных личностей выпукло показывает пример Н. А. Сенявина. По мнению автора статьи, служба юного Наума Сенявина началась в 1698 году в Бомбардирской роте — первой по старшинству среди рот гвардейского Преображенского полка — не случайно. В роту, капитаном которой являлся сам монарх, отбирались не только видные по наружности, грамотные, смекалистые юноши, но исключительно выходцы из тех родов, которые ранее верно служили отечеству (аналог римских *viri boni*). Дворянский род Сенявиных, известный по документам с начала XVI в., следует отнести к столбовому российскому дворянству, отметившемуся верной службой царю и Отечеству. Сенявины погибали на поле брани с врагами, получали раны, томились в плену, сидели в осадах, один из них, Елисей, «за его службы, и за кровь, и за рану» удостоился чести служить воеводой в Орле (1664–1674). Отец Наума, младшего из семи братьев Сенявиных, Аким Иванов сын Синявин¹¹ служил «по московскому списку»; в 1688 году грамотой царей Петра I и Ивана V часть его поместий получила статус вотчин «на память вперед[ь] будущим рода его... за мужественное и храброе... в воинских делех стояние... чтобы впредь, на его службы смотря, дети его, и внучата, и правнучата, и кто по нем роду его будет также... за свое отечество стояли крепко и мужественно». Царская грамота являлась сильной рекомендацией при определении братьев на службу, но, возможно, некоторую роль в назначении Наума на перспективную должность могло сыграть то обстоятельство, что солдатом в том же Преображенском полку с 1694 года служил его брат Иван, впоследствии продолживший службу во флоте и скончавшийся в 1726 году во флагманском чине шаутбенахта (контр-адмирала) на должности главного командира Каспийской флотилии¹².

По существу, назначение служить в Бомбардирской роте на глазах у монарха давало шансы на служебный взлет, возможность раскрыть свои дарования. Историк А. К. Чичерин сделал оправданное заключение, что Бомбардирская рота, капитаном которой был сам монарх, являлась «почетным учреждением», и, как он писал, поэтому «нетрудно понять, почему из среды ее вышло много лиц, ставших впоследствии в ряды ближайших сотрудников Петра в делах государственного управления, а также выдвинулись как руководители специальных знаний военных искусств: инженерного, артиллерийского, мореходного и кораблестроения»¹³. Однако приобрести доблесть, служебные заслуги во благо отечества (*virtus*) молодые люди, солдаты Бомбардирской роты, должны были самостоятельно.

Служба в Бомбардирской роте послужила началом служебного пути немалого количества значительных деятелей Петровской эпохи, но бóльшая часть служивших в роте все же осталась в числе рядовых деятелей эпохи. Прошло около восьми лет службы Наума Сенявина в рядовых чинах, солдатом Бомбардирской роты и матросом, прежде чем он получил повышение — первая недатированная запись в его морском журнале за 1706 год гласит: «Я пожалован в боцманматы»¹⁴. Скорее всего, поводом для служебного повышения Наума Сенявина из матросов в боцманматы во флоте стало успешное выполнение им первого значительного личного задания. 18 ноября 1705 года он был послан из Санкт-Петербурга в Архангельск во главе команды из шести солдат-преображенцев по указу царя, присланному из Гродно, «за подписанием господина губернатора Александра Даниловича Меншикова» с тем, чтобы доставить оттуда волоком по зимнему пути присланную из-за моря яхту¹⁵. Двинский воевода В. А. Ржевский отчитывался А. Д. Меншикову: «По указу государеву Бонбандерской роты салдат Наум Синявин прислан был к Городу для яхты. И та яхта со всеми припасы с ним, государь, отпущена в тож число»¹⁶. В летнюю кампанию 1706 года Наум, таким образом, продолжал числиться среди нижних чинов: рядовым Бомбардирской роты и боцманматом.

Началом служебного взлета Н. А. Сенявина стал подвиг?

В обнаруженном Петром I 28 ноября 1706 года указе говорилось, что совершившие подвиг военнослужащие, «под командою Щепотева будущие, что... взяли адмиралтейский “Эсперн”-бот... пожалованы из рядовых в фендрики»¹⁷ (*швед. fänrik* — прапорщик, первое офицерское звание). Речь шла о произошедшем ночью 12 октября 1706 года в заливе у Выборга ожесточенном бое, во время которого семь рядовых бомбардиров, среди которых был и Наум Сенявин, и 45 гренадеров во главе с капитаном Е. Бахтеяровым под общим командованием любимца царя сержанта Бомбардирской роты М. И. Щепотева в тумане ночью внезапно атаковали на пяти лодках шведский бот «Эсперн», вооруженный четырьмя пушками, с пятью офицерами и 96 солдатами на борту. «Эсперн» в итоге жестокой схватки был захвачен и приведен к русскому лагерю; 23 шведских солдата загнаны под палубу бота и пленены, остальные шведы погибли. Из 53 россиян в живых остались 18, из которых только четверо не были ранены¹⁸. Сам Наум Сенявин получил тогда ранение «пулею в руку навылет»¹⁹. За проявленное тогда мужество все оставшиеся в живых участники боя вне зависимости от сословной принадлежности были произведены по царскому указу в офицерский чин прапорщика²⁰. Н. А. Сенявин получил повышение в боцманы за подвиг

спустя год 23 ноября 1707 года во время торжества в честь тезоименитства светлейшего князя А. Д. Меншикова в Санкт-Петербургском дворце губернатора в присутствии царя, генерал-адмирала Ф. М. Апраксина, вице-адмирала К. Крюйса, генералитета и прочих чинов²¹. Вскоре, однако, он был вызван из Санкт-Петербурга в Воронеж, где Ф. М. Апраксин 24 марта 1708 года по распоряжению Петра I пожаловал Н. Сенявина в поручики флота²². Второе повышение из боцманов в обер-офицеры (поручик флота) тоже было растянутым во времени следствием совершенного 12 октября 1706 года подвига.

Став обер-офицером, Н. А. Сенявин получил возможность совершать более масштабные действия и заявлять о себе на службе все громче и громче. Карьера Сенявина стремительно пошла вверх. Он оказался еще более тесно приближенным к особе монарха как человек, успешно выполнявший все (!) порученное. Вместе с очередными заслугами доблесть (*virtus*) близкого сподвижника монарха-преобразователя год от года возрастала. Среди ярких эпизодов службы Наума Сенявина можно выделить бой 30 августа 1708 года, когда он, командуя двумя бригаantinaми, артиллерийским огнем препятствовал переправе шведского корпуса Г. Любеккера на южный берег Невы. 12 октября того же года в бою на берегу Финского залива у Сойкиной мызы Н. Сенявин, в составе русского корпуса, командуя «за капитана», участвовал в штурме шведского укрепления, в котором засело около тысячи шведов — остаток корпуса вторжения Г. Любеккера. В этом бою у Наума была «прострелена насквозь нога». В 1709 году Сенявин в переломный период войны фактически вошел в свиту монарха. Он сопровождает царя в поездке в Воронеж, Азов, к Полтаве, оттуда в Торунь, Мариенвердер, к Риге, потом в Санкт-Петербург и в Москву, куда победоносные русские войска вступили «с великим триумфом» в честь победы под Полтавой 21 декабря 1709 года. В мае 1710 года Сенявин участвует в походе русского флота к Выборгу, пребывая на одном боевом корабле (шнява «Мункер») вместе с монархом — шаутбенахтом (контр-адмиралом) флота. Летом он привел в Санкт-Петербург из Новой Ладogi построенный там первый линейный корабль Балтийского флота «Выборг». В Прутском походе в пределы Османской империи (1711) Сенявин по-прежнему в свите царя, потом следует вместе с монархом через Варшаву в Торн, Карлсбад, Эльбинг, Кёнигсберг и возвращается в Санкт-Петербург. На свадебных торжествах Петра I и Екатерины 19 и 20 февраля 1712 года в Санкт-Петербурге Наум Сенявин принимал участие, как и другие любимцы царя, в качестве шафера. В июне он отправляется, сопровождая царя, в Померанию, откуда 5 октября прибыл в Копенгаген с поручением монарха подготовить к плаванию и провести к Ревелю (ныне Таллин)

купленные в европейских странах три военных корабля. 2 марта 1713 года 50-пушечные линейные корабли «Рандольф», «Св. Антоний Падуанский» и 44-пушечный фрегат «Эсперанс» под общей командой Н. А. Сенявина, тогда лишь поручика флота, благополучно прибыли к Ревелю. Царским указом Наум Сенявин 3 апреля 1713 года был произведен в капитан-поручики флота. Морская служба Сенявина носила насыщенный характер. В 1714 году он командовал новопостроенным линейным кораблем «Нарва». В январе 1715 года произведен в капитаны 4-го ранга, в кампанию командовал линейным кораблем «Св. Екатерина»; потом на линейном корабле «Страфорд» под конвоем британской эскадры адмирала Д. Норриса проследовал из Ревеля в Англию и Нидерланды, где выполнил многочисленные поручения царя. Возвратившись к Копенгагену в 1716 году, Сенявин перешел в качестве командира на линейный корабль «Девоншир», участвовал в крейсерских действиях собравшегося там корабельного российского флота и 21 октября возвратился с флотом к Ревелю. В мае 1717 года был повышен в капитаны 3-го ранга, выполнял различные поручения; в мае 1718 года способный и уже очень опытный офицер был произведен в капитаны 2-го ранга. В кампанию 1718 года командовал линейным кораблем «Рига». В январе — начале мая 1719 года Н. А. Сенявин успешно справился с поручением привести из Гамбурга к Ревелю линейный корабль «Рандольф», яхту и небольшое судно (торншхоут)²³.

Итак, на поставленный вопрос о значении совершенного подвига (1706) как толчка к служебному взлету Н. А. Сенявина следует ответить положительно. Этот акт мужества, воинской отваги и доблести, награжденный производством в обер-офицерский чин поручика флота, открыл для Наума Сенявина новые возможности проявить себя на благо отечества, что способствовало его ускоренному подъему по лестнице чинов.

Случаен ли был в судьбе Н. А. Сенявина его звездный час — Эзельская баталия 1719 года?

Прославила Н. А. Сенявина, ввела его имя в число выдающихся флотоводцев России именно его победа в морском сражении 24 мая 1719 года. Для изучения вопроса о соотношении случайности и закономерности в служебном росте выдающегося флотоводца Петровской эпохи Н. А. Сенявина весьма важно выяснить, «случайным» или нет было его назначение командовать корабельной русской эскадрой, одержавшей победу в Эзельской баталии.

В начале мая 1719 года капитан 2-го ранга Н. А. Сенявин прибыл с тремя кораблями к Ревелю. Очередное с полным успехом выполненное

котороу прислано флаги (писанъ) съ
шею бояривъ помощидъ зодъ флаги
вези елико вперавъ лоду чирного
и елико елико а для похиного и
сина что а флаги елико и шестю и
Пославъ иапитиавъ помянутого
параля ачирного и елико елико

Приславъ перелогавъ редуиъ и зэмбес
назававъ прислано о бднъ а елико
а динъ елико мангозавъ и а динъ

Былъ востъ востовъ и
раба а динъ востовъ

В дагорорта а б канъ
1719

Собственноручная подпись Н. А. Сенявина в конце донесения генерал-адмиралу Ф. М. Апраксину о победе в морской баталии 24 мая 1719 года: «Ваш, моего милосердного государя, раб Наум Синявин. От Дагорорта 26 мая 1719»

ответственное задание явно произвело впечатление на генерал-адмирала и самого монарха. 8 мая Ф. М. Апраксин письменным orderом приказал Н. А. Сенявину поручить приведенный к Ревелю линейный корабль в команду капитан-поручику П. Бенсу, а самому с яхтой и торншхоутом «без медления» следовать в Санкт-Петербург, где принять в команду флагманский корабль Петра I «Ингерманланд». Поручение снова было выполнено с наивозможной быстротой, и уже 10 мая Н. А. Сенявин был срочно отправлен сухим путем обратно из Санкт-Петербурга в Ревель с приказом от генерал-адмирала принять в Ревеле под свое начало эскадру из семи линейных кораблей и следовать к Пиллау (ныне Балтийск) и Гданьску «искать трех шведских кораблей». Сенявину следовало «чинить над оными промысл так, как доброму и верному афицеру надлежит». Командирам отданных ему в команду линейных кораблей Ревельской эскадры предписывалось «быть ему послушным без всякого спору под ответом жестокого суда, понеже он послан имянным Его Царского Величества указом»²⁴.

Итак, ответ на поставленный вопрос следует из всего изложенного выше. Петр I направил командовать большой эскадрой из семи линейных кораблей на поиски отряда кораблей шведского флота не капитан-командора, не контр-адмирала, но имевшего не слишком высокий чин капитана 2-го ранга Н. А. Сенявина потому, что была высокая степень надежды, что он способен наилучшим образом справиться с поставленной задачей — об этом свидетельствовал весь предыдущий служебный путь даровитого морского офицера, о котором монарх был столь хорошо осведомлен.

Надежды Петра I и генерал-адмирала Ф. М. Апраксина полностью оправдались. Встретив в срединной части Балтийского моря шведский отряд из 52-пушечного линейного корабля, 34-пушечного фрегата и 12-пушечного шлюпа (бригантины) под флагом капитан-командора А. Ю. Врангеля, Н. А. Сенявин в итоге упорного восьмичасового сражения, проведенного с использованием разнообразных приемов линейной тактики, принудил сдать весь шведский отряд. В ответном послании на донесение о победе от Н. А. Сенявина Петр I написал в том числе такие слова: «...нас всех зело обрадовало сим добрым почином флота российского, за что вам зело благодарствую...»²⁵

Важной стороной доблести (*virtus*) Наума Акимовича Сенявина стало усвоенное им в качестве одной из главных личностных основ свойство *чести*, о чем, как будет сказано ниже, был также осведомлен монарх, и что он, безусловно, ценил.

Свадьба Петра I и Екатерины. Гравюра А. Ф. Зубова. 1712

Реформа чести Петра Великого

Современный автор О. В. Кириченко, как представляется, справедливо говорит о произошедшей при Петре Великом «реформе чести». Ее суть заключалась в переходе от чести рода к чести личной. Это было закономерное проявление все более зримого вступления страны в систему ценностей Нового времени²⁶. При начале военных преобразований монарха проблема отсутствия понятия о чести либо же нежелание следовать ее законам у множества служивших в вооруженных силах страны существенным образом подрывала боеспособность. Секретарь австрийского посольства в России И. Г. Корб так высказывался в 1699 году: «...русские не знают, что есть что-то божественное в храбром человеке, которого достохвальное честолюбие по стезе, облитой кровью и усеянной смертью, ведет к пальме славы»²⁷. Мыслитель, публицист, человек из гущи народа, остро переживавший за судьбу отечества И. Т. Посошков в своем сочинении «О ратном поведении», написанном на рубеже 1700–1701 годов под впечатлением от поражения русских войск

при Нарве, с болью и горечью написал такие слова: «А то я у многих дворян слышал: “Дай де Бог великому государю служить, а сабли б из ножен не вынимать”. И по таким их словам и по всем их поступкам, не воины они, лучши им дома сидеть...»²⁸

Понятия о воинской чести и необходимости неуклонно соблюдать дисциплину внедрялись жесткими методами. После успешного штурма Нотебурга 11 октября 1702 года, продолжавшегося непрерывно 13 часов, несколько десятков «недостойных» рядовых, особенно тех, которые побежали во время приступа к крепости, были шельмованы: прогнаны под палочными ударами сквозь строй солдат, им в знак презрения заплевали лица, после чего казнили²⁹. Суровые, но справедливые воинские «уроки» на тему «Честь выше жизни» не проходили даром. Молодой Наум Сенявин, первоначально солдат Бомбардирской роты, сыгравшей активную роль при осаде Нотебурга, усвоил эти «уроки» в качестве матрицы сознания, что не раз проявилось при последующей службе в эпизодах защиты чести русского военно-морского флага.

Вот конкретные примеры. Весной 1716 года при выходе из нидерландского порта Тексель у Н. А. Сенявина, тогда капитана 4-го ранга российского флота, командира 50-пушечного линейного корабля «Страфорд», произошел конфликт с таможенными властями. Корабль был нагружен саженцами деревьев и семенами для царского Летнего сада в Санкт-Петербурге, ящиками со стеклами, 6000 штук белого кирпича и другими предметами, закупленными в Голландии по поручению монарха. Таможенники попытались осмотреть корабль на предмет наличия товаров. Однако Сенявин не позволил сделать этого на том основании, что это не торговый, но военный корабль российского флота. В ответе российскому торговому представителю О. А. Соловьеву в Амстердаме, изложившему в письме претензии таможенников, Сенявин отвечал: «...вы изволите писать, что я корабля своего осматривать не дал, то есть правда, того ради что я еще хочу *честь* и живот свой продолжить, а будет я бы оный дал осматривать, то весьма моя *честь* и живот вскоре минул[и]ся... разве и весь голландский флот на мя подвигнется, и тот добровольно осматривать не может, разве силою; правда, мы здесь только сильны одним флагом и вымпелом, для чего не боимся и всего их флота... хотя бы на бударе был поставлен флаг и вымпел Его Царского Величества, то уже стал военный, а не торговый, которому на море всегда голландский военный корабль мусит [должен. — П. К.] салютовать и вымпел свой спустить, что мы сколько раз видели и впредь будет»³⁰.

В 1719 году имело место похожее столкновение в защиту чести российского флага с гамбургским капитаном М. Дамом (Тамом), командиром прикрепленного к порту для охранения корабля. По

Сражение у острова Эзель 24 мая 1719 года. Художник А. П. Боголюбов. 1866–1872

прибытии с поручениями от генерал-адмирала Ф. М. Апраксина 2 февраля того года в Гамбург³¹ Сенявин вскоре узнал о неприятном случае, произошедшем с врученным ему по приезду в город в команду линейным кораблем «Рандольф». Вот как он сам писал об этом происшествии: «...по прибыти[и] моем в феврале месяце уведомился чрез афицеров помянутого карабля, что в прошлом 718 году декабря 4 дня гамбургской военной карабль, на котором капитан Дама, шел от города Архангельского канвоем, а карабль “Рандолф”... лежал на якоре [на Эльбе. — П. К.] пониже Гликстата полторы мили, которому помянутой гамбургской капитан никакой по должности своей чести не отдал, для которого и фл[аг] на карабле его Царского Величества поднять велели»³². 13 марта того же года Сенявину, уже достаточно настроенному против названного капитана М. Дама, самому пришлось столкнуться с ним в подобной ситуации. В тот день он пошел на судне небольшого размера (торншхоуте) из Гамбурга вниз по Эльбе к городу Глюкштадту. На торншхоуте были подняты российский флаг и вымпел. Когда Сенявин поравнялся со стоявшим на Эльбе у Гамбурга «во всякой готовности к походу» кораблем М. Дама, он «говорил... ему чрез трубу, чтоб [са]лютовал роси[й]скому [флагу, кораблю. — П. К.], и никакого ответа не получил»³³. На корабль М. Дама был послан подпоручик Колокольцов, которому было приказано спросить, почему корабль «по обыкновению всех народов» не салютует русскому военному судну, а в случае неуважительной причины пригрозить стрелять по этому кораблю ядрами. Дама дерзко заявил Колокольцеву, что российского флага не знает

и «неколи салютовал, и салютовать впредь не хочет». На предупреждение Колокольцова Дам заявил, что он и сам имеет достаточно ядер, чтобы отплатить за эти выстрелы. Услышав о вызывающем ответе гамбургского капитана М. Дама, Н. А. Сенявин, как было записано с его слов, «по должности своей по тому гамбургскому караблю выстрелил из пушек 4 раза по вымполу», после чего проследовал дальше вниз по Эльбе³⁴.

После случившегося Сенявин просил через российского резидента в Гамбурге И. Ф. Бетигера «сатисфакции» у гамбургских градоначальников «на все вышепомянутые обиды... на вышепомянутого капитана», но ответа не получил. Кипящий возмущением Сенявин желал добиваться справедливого удовлетворения через Петра I. В письме от 18 марта 1719 года из Глюкштадта (вблизи Гамбурга) он восклицал: «О всех их обидах писать много. Дай Бог мне самому видеть Царское Величество!»³⁵ Монарх со всей серьезностью отнесся к описанному случаю по защите чести Андреевского флага и указал Адмиралтейской коллегии «против доношения капитана Синявина о вышеуказанных обидах капитана Дама» сообщить Коллегии иностранных дел³⁶, разбирательство в которой приняло затяжной характер. На самом деле с правовой точки зрения случившееся было трудно трактовать однозначно. По морскому праву в гаванях корабли не должны были салютовать друг другу, но при заходе в порт это полагалось делать неукоснительно. В настоящем случае важно подчеркнуть, как настойчиво Н. А. Сенявин отстаивал честь российского флага. Возращаемая в ходе реформы Петром I «новая порода» людей — люди долга и чести — явно были у монарха на особом счету.

Служебный путь Н. А. Сенявина, прошедшего при Петре I менее чем за четверть века путь от матроса и солдата Бомбардирской роты до флагманского чина шаутбенахта корабельного флота, вполне вписывается в рамки «римской модели» службы. Автор стремился обозначить «механизм» его служебного роста, влиявшие на него обстоятельства и факторы. Что Н. А. Сенявин стал одним из значимых персонажей эпохи создания Российского флота при Петре Великом, свидетельствует его участие в церемонии чествования ботика «Св. Николай», подаренного английским посольством отцу Петра Великого царю Алексею Михайловичу, — «дедушки» русского флота — на рейде острова Котлин 11 августа 1723 года. Ботик прошел перед боевой линией кораблей Российского корабельного флота. Общий залп полутора тысяч корабельных орудий, разразившийся подобно грому и молниям, обозначил начало чествования «дедушки» «внуками». Проходивший вдоль линии кораблей ботик приветствовался спусканием флагов и вымпелов,

залпами артиллерии и криками «ура!». В ботике же находились сам царь и генерал-адмирал Ф. М. Апраксин, попеременно стоявшие у руля; гребли веслами вице-адмиралы П. Сиверс, Т. Гордон, шаутбенахты Н. А. Сенявин и Т. Сандерс. Вице-адмирал светлейший князь А. Д. Меншиков бросал лот и также брался за весла, как и император. Начальник флотской артиллерии обер-цейхмейстер Х. Г. Отто отвечал на корабельные артиллерийские залпы из маленьких пушек ботика³⁷. Подытоживая, следует сказать, что без открытия возможностей пути наверх для таких одаренных, амбициозных и волевых личностей, как Наум Акимович Сенявин, достигший чина вице-адмирала, ставший героем Эзельской баталии и скончавшийся во время русско-турецкой войны от чумы в Очакове (1738), великая реформа не могла бы быть воплощена в практику.

Статья поступила в редакцию 14 февраля 2021 г.;

принята в печать 2 марта 2021 г.

Примечания:

1 Кротов П. А. Битва под Полтавой. Начало Великой России. СПб., 2014. С. 13–18.

2 Махлаюк А. В. Римская «доблесть» и virtutes полководца // Материалы IX чтений памяти профессора Николая Петровича Соколова: Тезисы докладов межвузовской научной конференции, Нижний Новгород, 29–30 октября 2004 г. Н. Новгород, 2004. С. 38–39.

3 Беснятых Ю. Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Введение. Тексты. Комментарии. СПб., 1991. С. 68.

4 Письма и бумаги императора Петра Великого (ПБВП). СПб., 1887. Т. 1. С. 139.

5 Материалы для истории русского флота (МИРФ). СПб., 1866. Ч. 3. С. 13.

6 Там же.

7 Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. (ПСЗ). Т. 5. СПб., 1830. С. 84–85.

8 Там же. С. 607.

9 Там же. Т. 6. СПб., 1830. С. 290; Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I: Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники. М.; Л., 1945. Т. 1. С. 89.

10 Табель о рангах [24 дня 1722 года] // Законодательство Петра I. М., 1997. С. 400.

11 В XVI — начале XVIII в. родовая фамилия писалась через букву «и» (Синявины). По выявленным подписям до 24 марта 1723 года Наум Акимович подписывался исключительно через «и»; начиная с 20 июня 1723 года — только через «е» (Сенявин). Его брат Иван, тоже служивший во флоте, еще в 1723 году

К 300-ЛЕТИЮ ОКОНЧАНИЯ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ

подписывался через «и», но с апреля 1724 года встречаются его подписи только с использованием буквы «е».

12 *Кротов П. А.* Вице-адмирал Н. А. Сенявин (около 1681 — 1738): «новая порода» людей на службе Отечеству // Труды кафедры истории России и современная отечественная историческая наука. СПб., 2012. С. 298–300.

13 *Чичерин А. К.* История лейб-гвардии Преображенского полка. СПб., 1883. Т. 1. С. 80–82.

14 Материалы для истории русского флота. Извлечения из журналов Петра Великого, Екатерины I и князя Меншикова и морские журналы Н. А. Сенявина и графа Апраксина. СПб., 1866. Журнал Н. А. Сенявина. С. 2.

15 *Кротов П. А.* Осударева дорога 1702 года: пролог основания Санкт-Петербурга. СПб., 2011. С. 135.

16 Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 187. Л. 1.

17 МИРФ. Ч. 3. С. 13.

18 Гистория свейской войны (Поденная записка Петра Великого). М., 2004. Вып. 1. С. 270.

19 Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1343. Оп. 29. Д. 2486. Л. 13 об.

20 ПБИПВ. СПб., 1900. Т. 4. С. 402–404.

21 Юрнaлы 1707 года // Походные журналы 1706, 1707, 1708 и 1709 годов. СПб., 1854. С. 7–8.

22 Материалы для истории русского флота. Извлечения из журналов... Журнал Н. А. Сенявина. С. 8.

23 РГИА. Ф. 1343. Оп. 29. Д. 2486. Л. 13 об. — 14. Описание «о предках рода», подписанное адмиралом А. Н. Сенявиным, представленное в Герольдмейстерскую контору Правительствующего сената. Копия, выданная его сыну Г. А. Сенявину. 1807 г., января 30; Сиявин, Наум Акимович // Общий морской список. СПб., 2013. Ч. 1. С. 443–445.

24 МИРФ. СПб., 1865. Ч. 2. С. 341, 356, 358–360.

25 Письма и указы <...> Петра Великого, писанные к Науму Акимовичу Сиявину, продолжавшему службу в российском корабельном флоте с начала оногo от звания матрозского до виц-адмиральского чина, хранящиеся у сына его, флота адмирала и кавалера Алексея Наумовича Сиявина / изд. адмирал А. Н. Сиявин. СПб., 1786. С. 59.

26 *Кириченко О. В.* Петр I и реформа чести. От родовой чести к чести личной // Марьино. Православный историко-краеведческий альманах. Марьино, 2000. С. 23–48.

27 *Корб И. Г.* Главные события из внутреннего быта москвитян // Рождение империи / сост. А. Либерман, С. Шокарев. М., 1997. С. 198.

28 *Посошков И. Т.* Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. СПб.,

2004. С. 268.

29 История швейцарской войны (Поденная записка Петра Великого). Вып. 1. С. 226.

30 МИРФ. Ч. 2. С. 59–60.

31 Там же. С. 341.

32 Российский государственный архив Военно-Морского флота. Ф. 212. Оп. 1719 г. Д. 20. Л. 130.

33 Там же. Л. 130–130 об.

34 Там же. Л. 130 об.; Оп. 1720 г. Д. 57. Л. 219 об. — 221 об.

35 Там же. Ф. 212. Оп. 1719 г. Д. 20. Л. 130 об.

36 Там же. Л. 131–132, 133–135.

37 Донесения французского консула в Петербурге Лави и полномочного министра при русском дворе Кампредона с 1722 по 1724 г. СПб., 1885. С. 370; Берхгольц Ф. В. Дневник камер-юнкера Фридриха Вильгельма Берхгольца. 1721–1726. М., 2018. С. 605–606.